

³ Торлакян Б. Г. Страницы истории амшенских армян XVII—XVIII вв. // Историко-филологический журнал. 1972. № 4. С. 136 (на арм. яз.).

⁴ Ачарян Р. Армянская диалектология: очерк и классификация армянских наречий // Эминский этнографический сборник. Вып. VIII. М.; Нор-Нахичеван, 1911 (на арм. яз.); его же. Исследование амшенского диалекта. Ереван, 1947 (на арм. яз.).

⁵ Дашиян В. А. Армянское население от Черного моря до Карина: беглый историко-этнографический очерк. Вена, 1921. С. 24 (на арм. яз.); Бжшкян М. Указ. раб. С. 82 (на арм. яз.); Торлакян Б. Г. Этнография амшенских армян // Армянская этнография и фольклор. Материалы и исследования. Вып. 13. (Ин-т археологии и этнографии АН АрмССР. Ереван, 1981). С. 53 (на арм. яз.).

⁶ Торлакян Б. Г. Этнография амшенских армян...

© 1991 г.

Ш. Ж. Тохтабаева

СЕМАНТИКА КАЗАХСКИХ УКРАШЕНИЙ *

Анализ функций казахских украшений, связанных с обычаями, обрядами, религиозными представлениями, является одним из важных аспектов изучения духовной культуры казахов. Помимо эстетического и практического назначения традиционные женские украшения в XIX — начале XX в. выполняли обрядовую, магико-религиозную функции, а также территориального, имущественного и половозрастных различий.

Этнографы уже обращали внимание на семантическую основу традиционного ювелирного искусства¹. Наиболее развернутые исследования по символике традиционных украшений народов Средней Азии и Казахстана проведены Н. Г. Борозной², Л. А. Чвырь³ и Г. П. Васильевой⁴. Некоторые данные об отражении имущественных и возрастных различий в казахских украшениях содержатся в монографии И. В. Захаровой и Р. Д. Ходжаевой, посвященной национальной одежде⁵.

Пожалуй, наиболее древним пластом в семиотической структуре ювелирных изделий является магико-религиозная основа, восходящая к глубокой древности. Еще в эпоху неолита появляются украшения из костей, зубов, клыков животных, всевозможных раковин⁶ и т. д., призванные придавать своему хозяину силу, ловкость зверя, ограждать его от возможных нападений и бед. Положительное восприятие магического значения изделий способствовало их эстетическому осмыслению и переводу в декоративную плоскость. Ювелирные изделия из металла, частично вытеснившие в XVII—VIII вв. до н. э. украшения из «натуралей», как бы заимствовали их магическое значение.

До сих пор, в особенности среди казахских женщин старшего возраста, существует ряд суеверных представлений, связанных с традиционными украшениями. По данным информаторов, ношение серебряных браслетов ограждает от испуга, кошмарных снов. С помощью ювелирного изделия можно успешно излечиться от болезней, для чего необходимо заказать мастеру эффективное украшение, специально предназначенное для отвода болезни. Носить украшение нужно до тех пор, пока кто-либо, восхитившись, не попросит его. Респондентки считают, что, подарив это изделие, они тем самым избавляются от недуга. Беременная женщина также с целью облегчения родов обещает после благополучного исхода подарить те или иные свои украшения, понравившиеся подругам и родственницам.

Существуют и другие обстоятельства, в которых необходимо откупаться

* В статье использованы полевые материалы 1980-х годов. Хранятся в личном архиве автора. Дальше ссылки даются только на литературу.

украшениями. Так, например, до сих пор в сельской местности женщины, придя с подарками на празднество *кырык кун шыгару*, устраиваемого по случаю исполнения ребенку 40 дней, вправе попросить у матери или свекрови любое традиционное украшение. Хотя хозяйки и скрывают ювелирные изделия, по просительницы обычно знают их наперечет. Отказывать им боятся, ибо считается, что обида или огорчение гостей может повлечь за собой смерть ребенка. Подаренное украшение расценивается как своеобразная плата за жизнь и здоровье новорожденного.

Считается хорошим тоном, если на женских похоронах вместе с лоскутами ткани *жыртыс* раздают традиционные ювелирные украшения. Лучшие украшения, в том числе золотые, обычно отдают той женщине, которая перенесет покойницу на полагающееся ей место в юрте (т. е. в правую половину), и той, которая совершит омовение.

Но надо отметить, что украшения раздаются преимущественно в случае смерти пожилой женщины. Украшения умершей девушки или молодой женщины, фигурирующие в поминальной обрядности (они раскладываются на видном месте), остаются в семье. Украшения молодой женщины, не успевшей стать матерью, порой возвращают ее родителям.

Магической силой наделяются также инструменты ювелирного производства. Так, в с. Ералиев Мангистауского р-на Гурьевской обл. сыновья и снохи известного (ныне покойного) ювелира Журасова Жубаназара (1912—1986 гг.), а также односельчане рассказывали, как на их глазах излечился душевнобольной, продержавший в объятиях в течение одного часа кузнечные мехи (*касцетти зат*). Респонденты приводили и другие примеры, когда мехи избавляли от разных недугов, помогали при родах. Мехи считаются священными, их берегут, через них нельзя перешагивать. Рассказывали также о том, что ювелир прежде, чем начать новую работу, обязательно некоторое время молча прикасался к мехам.

Таким образом, продукция и орудия ювелирного производства в ряде жизненных ситуаций фигурируют то в качестве оберегов, то подарков и платы, то, как будет сказано ниже, отличительного знака, источника очищающей, лечебной, охранительной, продуцирующей силы. Ясно, что ювелирным изделиям в традиционном быту казахов придавалось важное значение, что, думается, обусловлено не столько их материальной ценностью, сколько магическим значением.

Расшифровка семантической стороны казахских украшений раскрывает целую систему различных магических представлений. Смысловым значением была наделена вся структура ювелирного изделия: его форма, детали, материал и орнамент. Интересно отметить, что отдельные художественные мотивы, а также материал многозначны, полисемантичны. И наоборот, одни и те же понятия имеют разное изобразительное воплощение.

Особыми функциями наделялся материал: камни, серебро, «натуралин». Вставки из камней именуются у казахов *тас* (камень) или *кёз* (глаз). Подобная метафора отнюдь не случайна, так как камни, вставленные в украшения, осмысливались в народе как всевидящее стерегущее око и наделялись охранительными свойствами, так же как и крапчатые бусы, чеканный «глазковый» узор.

Подобное метафорическое отождествление бытовало и у других народов. У славян вставные камни назывались *глаз* и *глазок*. Понятия самоцветы и глаз обозначались одним словом (*туали* — у ассирийцев, *абак* — у современных грузин⁷⁾).

Сердолик, бирюза, коралл, жемчуг и перламутр издавна в представлении народов Востока обладали всевозможными магическими и лечебными качествами. Сохранились восточные трактаты по минералогии, где перечислены чудодейственные свойства камней.

По представлениям казахов, сердолик ограждает от сглаза, жемчуг лечит бельмо, а янтарь — зоб, коралл оберегает от порчи, наговора и одновременно

способствует жизненному благу, бирюза приносит счастье и т. д. Наиболее широко у казахов в качестве оберега используется сердолик. Этот камень в серебряной оправе использовался в этом качестве также у кавказских ногайцев⁸, узбеков⁹ и др. Пристрастие же к перламутру, вероятно, связано со существовавшим в традиционном быту культом Луны. Так, многие женщины старшего возраста объясняли свою симпатию к перламутру тем, что в нем содержится частица лунного света.

С представлением о магических качествах перламутра связан, по-видимому, обычай *тана тагу*, распространенный на юге Казахстана. Суть этого обычая состоит в том, что если женщина подарит чужому ребенку перламутровую бляху *тана*, то родители ребенка в ответ обязаны устроить небольшое пиршество с приглашением дарительницы, либо принести ей мясное угощение. Этот обычай удобно было воспользоваться в момент занятости какой-либо важной и трудоемкой работой, например, ткачеством.

Как сообщает А. А. Диваев, положительная роль камней была отражена и в казахских приметах: найти во сне коралл, жемчуг, значило, что дом не покинет изобилие¹⁰.

Магические свойства камней, видимо, распространялись и на их имитации: стекло, пасту. Большинство западноказахстанских украшений помимо сердолика декорируется красной пастой и стеклом с черной или красной подцветкой. Красный цвет при этом символизирует огонь, солнце, жизненную силу. Одновременно красный цвет наделялся охранительным свойством, поэтому имелось обыкновение подвешивать к изголовью детской колыбели кусок красного бархата, который оберегал ребенка от «злого языка». В качестве оберега используется и черный цвет, что будет рассмотрено ниже.

Очистительным и магическим свойством, согласно представлениям казахов, обладало серебро, из которого в основном изготавливались украшения. По народному поверью, предназначением богатства считалось увидеть во сне серебро. Серебро — неперенный атрибут обряда, связанного с купанием сорокадневного ребенка. В воду обычно бросали соль, астрагалы, кольцо и серебряные монеты со словами *баланын куні кумистей жарык болсын* — пусть дни ребенка будут светлыми, как серебро. Такое же магическое значение имело серебро и у монголов: «...во время поклонения озерам с береговых скал бросают в воду серебро и хадаки»¹¹.

Апотропейной силой казахи наделяли также «натуралли», которые представляли, очевидно, наиболее древние формы амулетов. В качестве оберега использовали астрагалы, пучки овечьей и верблюжьей шерсти, что представляет особый интерес, так как может быть связано с пережитком идущих с глубокой древности тотемистических представлений: культ барана, верблюда и их магическая сила прослеживаются в устно-поэтическом творчестве казахского народа, в народных обычаях и поверьях¹².

«Сильными» амулетами признавались голова, когти и перья филина. Стилизованное орнаментированное изображение головы совы часто воспроизводят серебряные бляхи и пряжки от наборных кожаных поясов. Пучки перьев филина с целью охраны подвязывали к колыбели, шее молодняка скота, пришивали на детскую одежду, настенные ковры *тус кииз* и образовывали из них султанчики почти для всех типов головных уборов, а также подвязывали их к домбре, чтобы оградить акына от сглаза. Пучки перьев филина в качестве оберега используются также у киргизов¹³, узбеков¹⁴ и туркмен¹⁵, т. е., как отмечает Г. П. Васильева¹⁶, у народов дештикыпчакского происхождения, тогда как у оседлых среднеазиатских народов сакральными свойствами наделялся фазан, павлин, петух, что подтверждается также данными Н. Г. Борозны¹⁷.

В силу своего магического значения пучки перьев филина *уки* образно приравнялись к материальному эквиваленту в свадебном церемониале. Так, например, сваты в качестве *уки* преподносили родителям невесты барана и деньги, *уки* прикладывали к головному убору невесты¹⁸. Кроме этого сваты

Рис. 1. Обереги *уки аяк*, начало XX в. Серебро, кораллы, стекло, штамповка. Кустанайская обл. (Государственный музей искусств КазССР)

дарили невесте серьги, после чего она считалась уже засватанной, *ен тарып кеттік, Укі тарып кеттік*.

Распространены были в качестве оберегов когти филина, которые подвешивались к колыбели, а оправленные в серебро, украшали головные уборы, детские и девичьи камзолы (рис. 1).

Коготь филина в качестве оберега использовался также у киргизов¹⁹, узбеков²⁰. Элементы в виде птичьего когтя являются составными частями детского украшения-оберега *гуш дырناق* и у йомутов Хорезма²¹. Но особый интерес представляет казахский вариант *уки аяк*, поскольку здесь используется пара когтей (в серебряной оправе), смоделированных развилкой (завитками вверх), в чем можно видеть пластическое выражение семантических оппозиций. Дело в том, что сова осмысливалась казахами двойственно. С одной стороны, она воспринималась как представитель злых сил²² и поэтому считалась способной противодействовать негативным явлениям, поскольку зло, причисляя ее к своему разряду, не причиняет ничего дурного тому, кто ею обладает. С другой стороны, сова обожествляется. «Амулеты из перьев и ножек совы,— пишет Р. Каруц,— особенно трудно получить, так как совы не стреляют, считая ее священной птицей»²³. Вера в защитные качества птиц и их изображений восходит, очевидно, к очень древним временам. Птицы символизировали оплодотворяющую и очищающую силу солнца.

В такой же форме как и *уки аяк* смоделированы металлические подвески посоха мусульманского проповедника-дервиша *асай-мусай*, приобретенного в Талды-Курганской обл.²⁴ Возможно, связь данных художественных форм не случайна и имеет общую семантическую основу.

Аналогичное представление связано у казахов со змеей, хотя здесь не исключается тотемическая основа²⁵. Раковины каури, названные *жылан бас* (змеиная голова), также считаются действенным оберегом, их пришивают к детскому костюму, подвешивают к колыбели. В качестве оберегов используют раковины каури все тюркоязычные народы Азии²⁶. Образ змеи воспроизводится почти во всех видах казахского прикладного искусства: войлочных, тканых, вышитых изделиях.

С другой стороны, раковины каури довольно часто присутствуют в качестве декоративного оформления на нагрудниках и украшениях для кос. В данном случае их роль сводится, видимо, не только к охранной функции, но и к про-

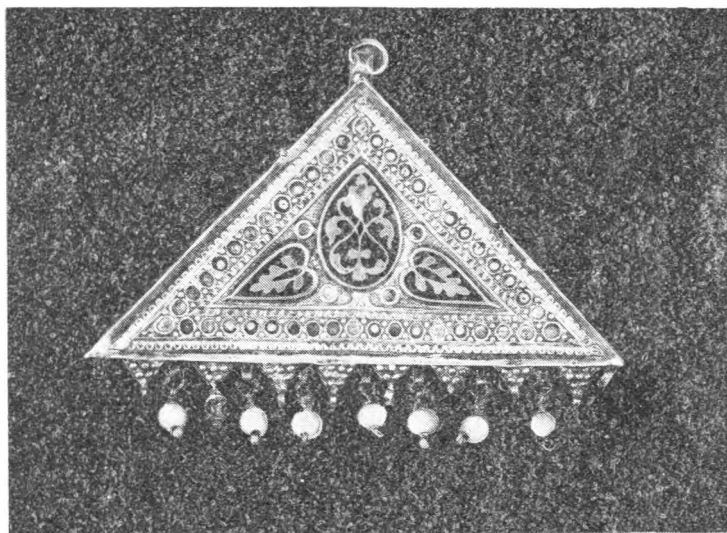

Рис. 2. Амулетница-тумарша, XIX в. Серебро, бирюза, перламутр, чернь, штамповка, позолота. Чимкентская обл. (ГМИ КазССР)

дуцирующей. По мнению исследователей²⁷, в первобытном представлении змея и раковина каури символизировали женское начало, идеи плодородия и одновременно осмысливались как покровительницы деторождения и детей.

Чудодейственной силой, приносящей добро и благоденствие, наделялись финиковые косточки, часто оправленные в серебро и используемые как подвески и пуговицы. Особенно ценятся косточки, привезенные из Мекки. Здесь, вероятно, мы сталкиваемся с реликтовой формой анимизма. Культ священного дерева существовал по всему Казахстану вплоть до недавнего времени. На магическом дереве возле целебных источников можно и в настоящее время видеть оставленные людьми на счастье лоскутки ткани. Еще в начале нынешнего века по традиции клятву или правдивость слов казахи подтверждали обломанной веткой дерева²⁸.

Представление о защитных свойствах дерева (арчи, боярышника, граната), из которых изготовляли амулеты, существовало и у туркмен²⁹.

Согласно представлениям казахов, препятствовали дурному влиянию злых сил оправленные в серебро керамические пуговицы чаще коричневого и черного цветов. Семантическое значение керамических пуговиц, связанное, очевидно, с образом змеи, имеет очень древние корни: именно магической природой можно, видимо, объяснить массовое распространение у египтян в V—III тыс. до н. э. керамических бус, несмотря на наличие множества драгоценных камней³⁰.

Даже простые камни у казахов наделялись охранной функцией. До сих пор на склоне лет женщины вместо украшений подвешивают к косам черные камни. Семь черных камней помещают в тканый узел или мешочек и подвешивают к шее скота, подвешивают к колыбели и у двери дома. Ребенку у казахов и других народов Средней Азии надевают на руку браслет из крапчатых черно-белых бусин *кёзди блезик* (глазковый браслет). Как свидетельствуют информаторы, черные камни ограждают от зла, белые — привлекают добро. В такой устойчивости отбора противоположных цветов можно видеть отголосок первобытного дуализма, прослеживающегося также и в украшениях, в частности, западноказахстанских, характеризующихся дуальной системой составных частей, декоративных элементов³¹. Как правило, у казахов количество подвесок к изделиям сводится к сакральным числам (7, 9).

В традиционных казахских украшениях, за исключением специальных оберегов, амулетниц и талисманов, охранно-благожелательная и защитная

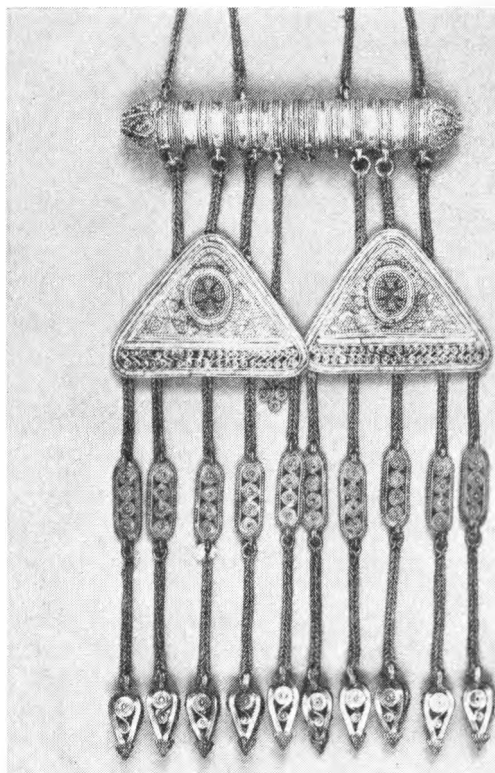

Рис. 3. Амулетница-бой тумар, XIX в. Серебро, скань, зернь, сердолик, позолота. Жамбулская обл. (ГМИ КазССР)

функция завуалированы, поскольку в ювелирных изделиях магическое значение со временем стиралось, и все большее внимание уделялось декоративной стороне.

Для удобства условно разделим украшения на три группы: изделия, выполнявшие (прямо или косвенно), в основном, охранительную функцию; украшения-благопожелания и изделия, выполняющие продуцирующую функцию.

Прямую апотропейную функцию, помимо эстетической, выполняют серебряные украшения типа *тумарша*, *колтыкша*, *бой тумар* (рис 2, 3), внутри которых помещалась написанная на бумаге молитва из Корана и вышеописанные натуралии. Помимо вкладываемых внутрь амулетов (предметов) магической силой наделялась форма украшений: трубчатая, треугольная. Защитной силой наделяются броши, подвески, височники, любой лоскуток ткани с натуралиями внутри, имеющие треугольную форму.

Треугольная форма, воспринимаемая в традиционном быту как оберег, наделяется казахами сакральным свойством, изначальный смысл которого сводился, очевидно, как и у других народов, к представлениям о солнечном луче, женской плодovitости, а также к профанным представлениям о вертикальной структуре мира. На прямоугольных амулетницах *тумарша* и *колтыкша* часто гравировали изречения из Корана либо формулу «слава Аллаху».

Древнейшим оберегом казахи считают серьги и поэтому женщины носят их всю жизнь, лишь форма усложняется или упрощается. В традиционном быту самыми желанными украшениями все еще являются серьги, а необходимым — перстень. Знаменателен тот факт, что с покойницы снимают все

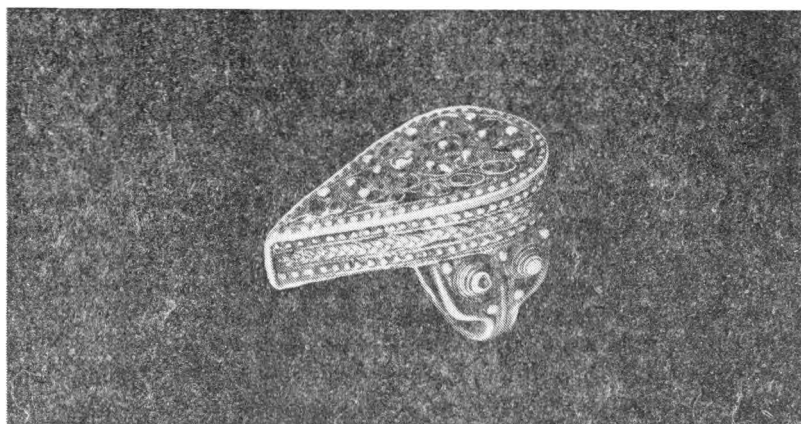

Рис. 4. Перстень *кыс мурун жузык*, XIX в. Серебро, скань, зернь. Актюбинская обл. (ГМИ КазССР).

украшения и расплетают косы, оставляя лишь серьги, так как считается, что иначе в уши пролезет змея. Если надо снять серьги, то непременно нужно порвать мочки ушей.

Интересно привести данные двух сообщений Табари, относящиеся к 728/729 г. н. э.³² и 738/739 г. н. э.³³, где описывается, как тюрки, оплакивая убитых в бою предводителей, обрезали себе уши, царапали лица и т. д. Этот тюркский обычай изображен на одной из росписей Пянджикентского храма, на которой запечатлена сцена оплакивания в момент отрезания ушей³⁴. Смысл такого самоистязания, вероятно, может заключаться в своеобразной имитации смерти, готовности следовать за покойным в иной мир. Данная версия дает логическое обоснование казахскому деривату — обычаю разрывания мочек ушей в случае снятия серег. Видимо, разорванные мочки ушей, символизирующие смерть, предупреждают вредоносные намерения змеи.

Магическая природа казахских серег усиливается символикой. Их части имеют форму змеи, пики, солнца, месяца, спирали. Видимо, не случайно узоры в виде серьги и треугольной амулетницы, присутствующие в тканых изделиях, до сих пор осмысливаются старшим поколением как обереги.

Вера в магическую и очистительную силу колец и перстней, начиная, — как пишет Л. А. Чвырь, — с ведических индусов и кончая современными персами — общеазиатское явление³⁵. Каждая казахская женщина и сейчас должна носить кольцо или перстень, в противном случае пища, приготовленная ею, будет считаться нечистой. У казахов по этому поводу существует даже поговорка *тамак адал болу ушин, колда жузык болу керек* — чтобы пища была чистой, на руках должен быть перстень. В представлении казахов, перстни нельзя носить на среднем пальце и мизинце, иначе кто-нибудь из близких умрет. Именно с очистительной и благопожелательной целью, как было сказано, бросали серебряное кольцо в воду для купания сорокадневного ребенка. Параллельные примеры с кольцами существуют и у таджиков³⁶. У казахов кольца и перстни (порой их около 100) — обязательная составная часть приданого невесты, преимущественно в западном и южном Казахстане. Защитная сила перстней усиливалась и символикой формы. Так, например, широко бытующие в Казахстане перстни с *кастом* (объемная часть изделия) в виде птичьего клюва (рис. 4) наделяются особым охранным свойством. Мотив клюва, восходящий к сакскому периоду, вплетается в образную структуру многих других украшений, а также фигурирует, как было сказано, в орнаментальной системе казахских войлочных, вышитых, деревянных изделий.

В настоящее время в традиционном быту казахов во время сватовства родственники жениха приносят помимо ранее указанного *коржын* — перемет-

ную суму, заполненную подарками. К петлям этой суммы подвязывают серебряные украшения — чаще браслеты, перстни и кольца. В Северном Казахстане украшения преподносятся в таких случаях пришитыми к куску красного бархата, причем среди прочего обязательно должны быть бусы.

В южных областях Казахстана невеста, ехавшая в дом жениха, надевала на один палец два кольца, крайнее из которых полагалось снять тому, кто первый откроет ее лицо, а в северном Казахстане в этом случае у невесты забирали пучок перьев филина. В западном Казахстане после церемонии *бет ашар* — открывание лица — перстнями одаривали со стороны жениха двух подруг или родственниц, поддерживающих ее под руки, а также ее старшую сноху, которая снимала с невесты свадебный головной убор и надевала платок.

Таким образом, как мы видим, в том и в другом случае за открытие лица невесты расплачиваются магической вещью. Считается хорошим тоном, если невестка после свадьбы на следующий день, проснувшись раньше всех, подвешает один или несколько перстней к свисающей с купольного отверстия веревке *тундик бауз*. Эти перстни предназначались в дар родственникам мужа. Преподнесенные в такой форме изделия приобретали, видимо, сакральный смысл. Такое действие женщина может повторить и в юртах других родственников. Волшебная сила колец отражена и в казахских сказках³⁷.

Явно апотропейную функцию выполняли застежки для камзола в виде фантастического грифона рудиментарной формы (рис. 5). Этот мотив восходит к сакскому периоду³⁸. Именно магическим значением можно объяснить столь длительную консервацию данной художественной формы.

Способными противодействовать злу считаются застежки *капсырма* с соединительной деталью в виде сабли. Чудодейственные и воскрешающие свойства сабли зафиксированы в казахских сказках³⁹. Очевидно, с этими же сакрентальными представлениями о сабле, а также ножнах связан широко бытовавший у казахов и у всех народов Средней Азии обычай класть нож под подушку новорожденного.

Постоянным женским украшением у казахов являются также накосники, форма которых все более упрощается с возрастом женщины. В конце концов, как об этом уже упоминалось, они заменяются просто ключами от сундуков или камнями. Эти подвески призваны были отпугивать нечистую силу. Такое представление бытовало у многих тюркоязычных народов. Считалось, что в волосах обитает часть души (жизненная сила), поэтому косы нельзя стричь, а вычесанный волос бросать⁴⁰. Существовало поверье, что, завладев чьим-нибудь волосом, можно завладеть частью его жизненной силы. Особенно действенными считались волосы людей другой национальности, помогающие при родах, болезнях⁴¹.

Сходное представление о волосах, якобы заключающих в себе энергетический заряд человека, бытовало у многих народов мира: монголов, славян, евреев, греков, римлян⁴².

С этими представлениями, по-видимому, связан обычай *шаш ору*, заключающийся в том, что к невесте приходят незамужние золовки или другие девушки на выданье со стороны жениха и позволяют невесте заплести им косички, после чего она обязана подарить им накосник или другое украшение. Правомочно предположить, что в данном случае невеста платит дань за прикосновение к «святым» волосам. Кстати, украшениями невестка расплачивается с золовками еще раньше, когда ночует с ними в первый день приезда. Следующая ночь уже становится брачной.

Оберегом и одновременно олицетворением жизненной силы является пояс с серебряными бляхами, часто имевшими символическую форму солнца, рыбы, совы и т. д. В связи с этим необходимо указать на казахский обычай вывешивания на шесте мужского пояса в случае смерти его владельца.

До настоящего времени в быту у казахов прослеживается культ вещей умерших близких, особенно деда, отца матери и других старших родственни-

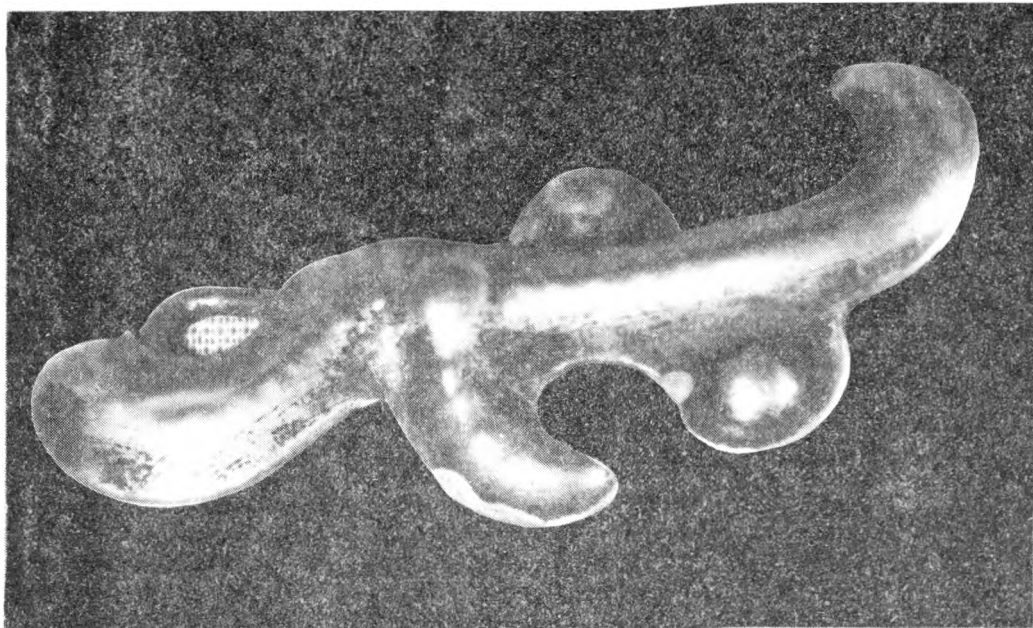

Рис. 5. Половина застёжки *капсырма*, начало XX в. Серебро, штамповка. чернь. Павлодарская обл. (ГМИ КазССР)

Рис. 6. Подвески *жылан бас*, XIX в. Серебро, штамповка. Западный Казахстан (ГМИ КазССР)

ков. Чаще всего такими культовыми вещами были мужской пояс, оружие, украшения, а также треножник *ошак*, орудия производства, например, наковальня, мехи покойного ювелира, которые берегут и верят в их благожелательную и охранную силу.

Определенное значение имели и отдельные детали украшений. Так, например, оберегами служили декоративные элементы и подвески типа *жылан бас*, представляющие собой стилизованную голову змеи (рис. 6). В отдельных

областях Казахстана (Алма-Атинская и Мангышлакская) казахи из-за боязни вызвать змею эти подвески называют *туймешек* (подобие пуговицы). Такие подвески бытуют и в украшениях туркмен⁴³.

Во многих казахских женских украшениях, особенно накосных, наиболее часто встречаются подвески в виде конусовидных, колокольцеобразных фигур с проволочной бахромой, имитирующих настоящие колокольчики. У казахов, как и у других народов Востока и Средней Азии⁴⁴, существовало представление о том, что подвески своим движением, шумом или звоном способны отпугивать нечистую силу. Кроме того, подвески, наряду с апотропейной, выполняли и продуцирующую функцию.

Другой распространенный тип подвесок-украшений — фигура в виде пики. Такая же форма придается кованым, а также проволочным серьгам типа *шыгырышкык*. Браслеты также часто имеют пиковидные концы. Веру в защитное действие этих форм исследователи обычно связывают с древними сакскими бронзовыми наконечниками стрел, которые в прошлом веке казахи находили в степи и пользовались ими как амулетами⁴⁵. Как нам представляется, магическое значение стрел, пик и их имитаций существовало уже в сакский период. Об этом свидетельствует наличие стреловидных украшений на головном уборе так называемого «золотого человека» из кургана Иссык⁴⁶. Не случайно, видимо, мотив лука со стрелой встречается на вышивках молитвенных ковриков. Подвески в виде пики характерны и для туркменских украшений, в частности, для женских накосников *асык*. Существует у туркмен также специальное украшение для мальчиков и, порой, для девочек — бляха в виде лука со стрелой *ок-яй*, наделяемое защитной силой⁴⁷. Бытующие у калмыков накосники в виде пики в традиционном представлении должны были отгонять чертей⁴⁸.

Теперь остановимся на традиционных женских украшениях, выполнявших множительную функцию. Идеи плодородия, многочисленного потомства, наряду с охранительным значением, заключала в себе амулетница типа *бой тумар*. Изделие, состоящее из трубчатой и треугольной частей, олицетворяло единение мужского и женского начал⁴⁹. Амулетницы такого типа бытуют и у женщин-туркменок⁵⁰. Чисто женским украшением является также амулетница одночастной трубчатой формы. Девушки могли носить амулетницы только треугольной и прямоугольной форм.

К разряду изделий, символизирующих плодородие, относятся застёжки с мотивами рыбы для женщин фертильного возраста. Связь рыбы и плодородия прослеживается и в казахских приметах: «Если во сне явится рыба, значит, будут дети»⁵¹.

Общевосточным символом плодородия является *бадам* (миндаль), форма которого характерна для застёжки *капсырма*, бытующей в северном и центральном Казахстане. Запдноказахстанские нагрудные украшения *онир жиек* также часто декорируются кастами в виде *бадама* со вставками из стекла.

Увеличению потомства якобы способствовали бляхи с изображением стилизованной женской фигуры, декорирующие боковые части *саукеле*. В данном случае семантическое значение этих фигур связано с культом богини плодородия Умай. В такой же роли выступают аналогичной формы бляхи у кавказских ногайцев (*ийнкликъ*)⁵², узбеков Хорезма (*гозмунжик*)⁵³, туркмен (*адамлык*)⁵⁴.

В казахском ювелирном искусстве часто встречается мотив ромба, олицетворяющего плодородие, жизненное благо и наряду с этим имеющего также охранные функции (сохранение детородных возможностей). Ромб является формообразующей основой украшений, их составных частей, декоративных элементов; форму ромба имеют орнаментальные композиции. Знаменательно, что ромбовидный узор как символ плодородия характерен для свадебного нагрудного украшения *онир жиек*. Форму ромба имеют специальные женские украшения *гонджик* и у туркмен⁵⁵. Ромбические нагрудные украшения изобра-

жены на казахстанских каменных женских изваяниях средневекового периода⁵⁶, что говорит о давности семантизации данной формы.

В представлении казахов увеличению потомства способствует изображение растительного семени. Его мотив фигурирует на браслетах, перстнях, нагрудном украшении *онир жиек*, в головном уборе *саукеле* и на поясе в качестве подвесок. Сходное толкование растительного семени широко бытовало среди оседлого населения Средней Азии⁵⁷.

Комплексная положительная магия с добропожелательной и охранной функцией заключалась в космогонических узорах на традиционных казахских женских украшениях. Культ луны, солнца и звезд прослеживается в различных обрядах и обычаях⁵⁸. Распространены казахские серьги в форме месяца *ай сырға* (лунные серьги), накладные металлические бляхи *айшик* (подобие луны) для традиционных кожаных поясов, орнаментальные мотивы *айшик* в гравированных, черненных украшениях. Парное изображение месяца со звездой, символизирующее мусульманство, встречается на вставках из сердолика.

Изображение солнца в виде целой серии символов (круг, концентрические круги, цветочная розетка, спираль, вертун, крестовина, зернистый треугольник) присутствует в форме и декоре перстней, застежек, фибул, запонок, составных элементов украшений, бляшек, нашиваемых на камзол. Солнечный знак — характерный орнаментальный мотив для настенных ковров типа *тус кииз* и мужской верхней одежды *чапан*. Крупная солярная розетка, вышитая на спине халата, служила своего рода амулетом.

Идеи процветания выражены в накладных бляхах в виде птицы и орнаментальных изображений орла. С образом птицы казахи связывают счастье, богатство. Считается, что «увидеть во сне птицу хорошо, будет богатство»⁵⁹. В казахском фольклоре прослеживается культ тотемного ворона⁶⁰. В данном случае наблюдается двойственность смыслового значения изображенной птицы. Летящая птица осмысливается как предзнаменование счастья, а изображение только ее когтя или клюва, как было сказано, считалось оберегом.

Способствует благополучию, семейному счастью также конусовидный перстень *отау жизик* (семейный перстень). Такие перстни обычно дарили молодым в знак создания новой семьи.

Символом долголетия у казахов служили серебряные, наподобие черепахи, перстни *тасбака жузик*. Такие перстни особенно стремились приобрести казашки пожилого возраста, веря в то, что это удлинит их жизнь.

Символизировали единение двух начал, двух семей массивные западно-казахстанские перстни с двумя шишками *кудаги жузик* (кольца свах). Такие перстни обычно дарили родители невесты ее будущей свекрови за покровительство и хорошее отношение к ней.

Распространены в гравированных, черненных изделиях изображения рогов барана. Наряду с апотропейным значением с ними связывается понятие богатства, приумножения скота. Изначальный магический смысл роговидных завитков обусловил, видимо, определенную тенденцию в построении орнаментальной композиции тканых и войлочных изделий. Во многих коврах независимо от узора центрального поля орнамент каймы чаще составлялся из роговидных завитков, несущих, по всей вероятности, функцию оберега семьи, рогов от сил зла и одновременно обеспечения богатством, счастьем. Характерно также изображение креста с роговидными ответвлениями, в чем можно видеть совмещение культа солнца и барана. Бытуют также застежки в виде бараньих рогов с крыловидными ответвлениями (рис. 7). Такой мотив довольно часто встречается также в орнаментике ювелирных изделий. В данном случае перед нами соединение семантических значений культов барана и птицы.

Подводя итоги, можно считать, что магиико-религиозное значение традиционных казахских женских украшений сводится к трем основным функциям: апотропейной (защитной или охранной), продуцирующей и добропожелатель-

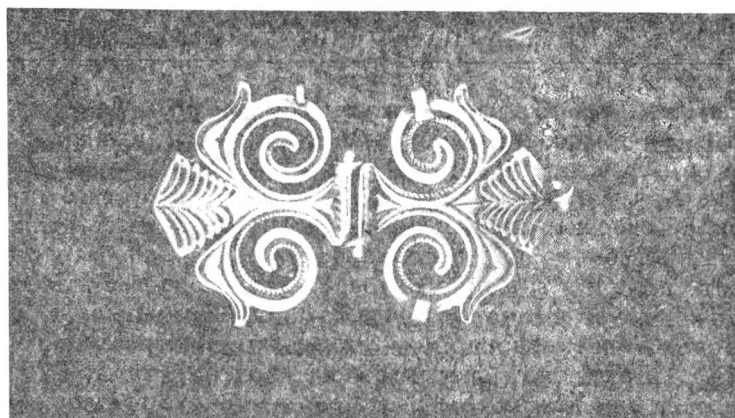

Рис. 7. Застежка для камзола *капсырма*, XIX в. Серебро, литье. Южный Казахстан (ГМИ КазССР)

ной. Важно отметить, что, если украшения с охранным и благопожелательным значением носили казашки в любом возрасте, то ювелирные украшения и талисманы с продуцирующей символикой — только женщины фертильного возраста.

Таким образом, кроме указанных выше исключений, все остальные традиционные женские украшения сопутствовали казашке в течение всей ее жизни. Лишь в случае смерти снимались все ее украшения, кроме серег, ибо по шариату тело покойной должно быть чистым и ничем не обремененным. Поэтому снятие всех без исключения украшений при жизни женщины обозначало символическую смерть. И это, согласно традициям, производилось у казахов непременно в двух случаях: во время родов и траура по мужу. Сходная картина наблюдалась, согласно материалам Л. А. Чвырь, у таджиков⁶¹.

Символическая смерть вдовы в период траура по мужу имела различные сроки: в северном, центральном и восточном Казахстане украшения вновь надевали через год, в то время как в некоторых южных и западных областях — позднее, пока женщина заново не выйдет замуж или не переедет в другую местность.

Имитацию вдовой своей смерти путем снятия с себя всех своих украшений можно рассматривать как отдаленный пережиток похоронных жертвоприношений, существовавших, очевидно, у предков казахов.

Примечания

¹ Сазонова М. В. Украшения узбеков Хорезма // Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Л., 1970; Сухарева О. А. История среднеазиатского костюма. М., 1982; Гусева Н. Р. Художественные ремесла Индии. М., 1982; Абдуллаев Т., Фахретдинова Д., Хакимов А. Песнь в металле. Ташкент, 1986.

² Борозна Н. Г. Некоторые материалы об амулетах — украшениях населения Средней Азии // Домусульманские верования и обряды / Под ред. Г. П. Снесарева и В. Н. Басилова. М., 1975.

³ Чвырь Л. А. Таджикские ювелирные украшения. М., 1977.

⁴ Васильева Г. П. Магические функции детских украшений у туркмен. // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М., 1986.

⁵ Захарова И. В., Ходжаева Р. Д. Казахская национальная одежда. Алма-Ата, 1964.

⁶ История Казахской ССР. Т. 1. Алма-Ата, 1977. С. 90.

⁷ Ахметов С. Ф., Ахметова Г. Л. Карбункулы, лалы и яхонты. Алма-Ата, 1984, С. 156.

⁸ Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногайцев в XIX — начале XX в. М., 1981. С. 180.

⁹ Борозна Н. Г. Указ. раб. С. 293. Сухарева О. А. Указ. раб. С. 120.

¹⁰ Диваев А. А. Приметы на разные случаи // Этнографические материалы. Вып. VII. Ташкент, 1901. С. 60.

¹¹ Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. II. СПб, 1881. С. 94.

- ¹² Турсунов Е. Д. Генезис казахской бытовой сказки. Алма-Ата, 1973. С. 47—51; Аргынбаев Х. Народные обычаи и поверья казахов, связанные со скотоводством // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М., 1975. 194.
- ¹³ Абрамзон С. М. Предметы культа казахов, киргизов и каракалпаков // Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. М., 1978. С. 58.
- ¹⁴ Сазонова М. В. Указ. раб. С. 132.
- ¹⁵ Васильева Г. П. Указ. раб. С. 184.
- ¹⁶ Там же. С. 192.
- ¹⁷ Борозна Н. Г. Указ. раб. С. 283—284.
- ¹⁸ Культура и быт казахского колхозного аула / Под ред. А. Х. Маргулана, В. В. Вострова. Алма-Ата, 1967. С. 222.
- ¹⁹ Абрамзон С. М. Указ. раб. С. 58.
- ²⁰ Борозна Н. Г. Указ. раб. С. 284.
- ²¹ Васильева Г. П. Указ. раб. С. 188.
- ²² Диваев А. А. Указ. раб. С. 54.
- ²³ Карутц Р. Среди киргизов и туркменов на Мангышлаке. СПб, 1910. С. 78.
- ²⁴ Абрамзон С. М. Указ. раб. С. 47.
- ²⁵ Турсунов Е. Д. Указ. раб. С. 56—58.
- ²⁶ Васильева Г. П. Указ. раб. С. 190.
- ²⁷ Васильева Г. П. Указ. раб. С. 194; Чеснов Я. В. Историческая этнография стран Индокитая. М., 1976. С. 185.
- ²⁸ Диваев А. А. Указ. раб. С. 58.
- ²⁹ Васильева Г. П. Указ. раб. С. 191, 192.
- ³⁰ Кинк Х. А. Художественное ремесло древнейшего Египта и сопредельных стран. М., 1976.
- ³¹ Мынжасарова Ш. Ж. Народное ювелирное искусство казахов Западного Казахстана // Сов. этнография. 1978. № 4. С. 106.
- ³² Chronique de Abou-Djaïfar Mo'hammed-ben Djarir-ben-Yezid Tabari, traduite sur la version persane d'Abou-Ali-Mo'hammed Bel'ami par H. Zotenberg. T. II. P., 1869. P. 1520.
- ³³ Ibid. P. 1694.
- ³⁴ Живопись древнего Пянджикента. С. 81. Табл. XXII.
- ³⁵ Чвырь Л. А. Указ. раб. С. 98.
- ³⁶ Там же. С. 98.
- ³⁷ Ходыров Л. Из киргизских поверий // Тр. Оренбургской ученой архивной комиссии. 1916. Вып. 35. С. 42.
- ³⁸ Акишев К. А. Курган Иссык. М., 1978. С. 85.
- ³⁹ Диваев А. А. Демонологические рассказы // Этнографические материалы. Вып. V. Ташкент, 1896. С. 42.
- ⁴⁰ Его же. Приметы на разные случаи... С. 56.
- ⁴¹ Ходыров Л. Указ. раб. С. 11.
- ⁴² Жуковская Н. Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988. С. 94.
- ⁴³ Береснева Л. Г. Декоративно-прикладное искусство Туркмении. Л., 1976. Илл. 72, 7.
- ⁴⁴ Чвырь Л. А. Указ. раб. С. 96.
- ⁴⁵ Потанин Г. Н. Указ. раб. С. 92.
- ⁴⁶ Акишев К. А. Указ. раб. С. 51.
- ⁴⁷ Васильев Г. П. Указ. раб. С. 187, 192.
- ⁴⁸ Эрдниева У. Э. Калмыки, Элиста, 1980. С. 194.
- ⁴⁹ Борозна Н. Г. Указ. раб. С. 290—291.
- ⁵⁰ Береснева Л. Г. Указ. раб. Илл. 23.
- ⁵¹ Диваев А. А. Приметы на разные случаи... С. 60.
- ⁵² Гаджиева С. Ш. Указ. раб. С. 177.
- ⁵³ Сазонова М. В. Указ. раб. С. 121.
- ⁵⁴ Морозова А. С. Головные уборы туркмен // ТИИАЭ Туркм. ССР. Т. 7. Ашхабад, 1963. С. 107.
- ⁵⁵ Береснева Л. Г. Указ. раб. Илл. 78, 98.
- ⁵⁶ Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья. М.; Л., 1966. Табл. XIX, 83, XXI, 97, XVI, 67, 65; Чариков А. А. Раннесредневековые скульптуры из Восточного Казахстана. // СА. № 4. 1976. С. 158. Рис. 6, 8; 7, 12; 9, 6.
- ⁵⁷ Чвырь Л. А. Указ. раб. С. 99.
- ⁵⁸ Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений. Т. 1. Алма-Ата, 1961. С. 472.
- ⁵⁹ Диваев А. А. Приметы на разные случаи... С. 60.
- ⁶⁰ Турсунов Е. Д. Указ. раб. С. 53—56.
- ⁶¹ Чвырь Л. А. Указ. раб. С. 100.